научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://sthb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 821.161.1

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРА ЛАГЕРКВИСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ «В МИРЕ ГОСТЬ» И «ВАРАВВА»)

ШАРАПЕНКОВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
заведующая кафедрой германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,,
Петрозаводск, Российская Федерация,
natshar@mail.ru

БЕЗМЕН АЛИНА ЮРЬЕВНА
студент кафедры германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,,
Петрозаводск, Российская Федерация,
bezmenau@gmail.com

Ключевые слова:
скандинавская литература
модернизм
«В мире гость»
«Варавва»
религиозно-философская проблематика
Пер Лагерквист

Аннотация:
В данной статье религиозно-философская проблематика Пера Лагерквиста рассматривается на материале повестей «В мире гость» («Gäst hos verkligheten», 1925) и «Варавва» («Barabbas», 1950). Новеллы фигурируют как ключевые этапные произведения творчества писателя: запросы, которые возникают «на старте» литературного творчества в «позитивистский» (1919–1949) и «гуманистическо-идеалистический» период (1925–1932), а также своего рода «ответы», которые автор предоставляет себе или своим читателям, исходя из своего жизненного и писательского опыта в период «религиозного атеизма» (1950–1960-е), или же в «мистическо-религиозный» период (с 1945), согласно классификациям Л. Брейтхольца и В. Клаэса соответственно.
© 2024 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 ноября 2024 года Опубликована: 27 декабря 2024 года

Введение

Пер Фабиан Лагерквист (1891–1974) – выдающийся писатель-модернист и глубокий неортодоксальный мыслитель XX века, ставший, без сомнения, классиком шведской литературы, произведения которого высоко оценены и мировым литературным, и философским сообществами. Исключительность писательского «ви́дения», оригинальный подход к освещению религиозных и мировоззренческих тем, а также уникальный идиостиль П. Лагерквиста были отмечены в 1951 году Нобелевским комитетом. В сопроводительной грамоте отмечалось, что Пер Лагерквист был удостоен столь высокой премии за (за) художественную силу и абсолютную независимость суждений писателя, который стремился найти ответы на “вечные вопросы”, стоящие перед человечеством» (Здесь и далее в

примечаниях перевод наш. – А. Б.) [22].

Пер Лагерквист – «писатель-мыслитель», как отмечает К.Р. Андрейчук [3: 4], в творчестве которого «красной нитью» проходит мотив поиска человеком Истины, противостояние добра и зла, веры и безбожия, жизни и смерти. Религиозно-философская проблематика занимает значимое место в творчестве писателя и наличествует практически во всех произведениях. Как в ранних, например «Улыбка вечности» («Det eviga leendet», 1920), «В мире гость» («Gäst hos verkligheten», 1925), так и в зрелых новеллах, в частности в цикле «Пенталогия распятия», объединяющем повести с библейскими сюжетами и героями: «Варавва» («Barabbas», 1950), «Сивилла» («Sybyllan», 1956), «Смерть Агасфера» («Ahasferus död», 1960), «Пилигрим в море» («Piligrim på havet», 1962), «Святая земля» («Det heliga landet», 1964).

Библейская проблематика, являясь центральной в творчестве П. Лагерквиста, стала предметом исследования многих видных ученых – философов, филологов и культурологов как в Скандинавии, так и в России.

Религиозно-философские вопросы, поставленные писателем в романах и новеллах, стали предметом анализа в отечественных и зарубежных трудах, среди которых – исследования К. Хенмарка об отношении П. Лагерквиста к категории «Бог», С. Линнера о восприятии писателем жизни и месте веры в ней, К. Е. Мурадян об основных тенденциях развития шведского реалистического романа 1960-х годов с учетом творчества П. Лагерквиста, С. С. Белокриницкой, с попыткой дать литературно-историческую классификацию творческому пути писателя, А. С. Полушкина в контексте постмодернизма в связи с жанром романа «анти-мифа», Д. В. Кобленковой о жанре нереалистического романа и поэтике художественной условности, К. Р. Андрейчук с глубоким исследованием цикла Пера Лагерквиста «Пенталогии распятия».

Согласно официальному сайту «Pär Lagerkvist-samfundets officiella hemsida» («Общества Пера Лагерквиста» в Швеции): «Исследования об искусстве Пера Лагерквиста активно ведутся многие десятилетия, начиная с 1940-х годов» [23]. Однако в последние годы количество публикаций, посвященных писателю, заметно сократилось.

В данной статье религиозно-философская проблематика Пера Лагерквиста рассматривается на материале повестей «В мире гость» («Gäst hos verkligheten», 1925) и «Варавва» («Barabbas», 1950). Новеллы фигурируют как ключевые, этапные произведения творчества писателя: запросы, которые возникают «на старте» литературного творчества в «позитивистский» (1919–1949) и «гуманистическо-идеалистический» период (1925–1932), а также ответы, которые автор предоставляет себе или своим читателям, исходя из своего жизненного и писательского опыта в период «религиозного атеизма» (1950–60-е), или же в «мистическо-религиозный» период (с 1945 года), согласно классификациям Л. Брейтхольца [13] и В. Клаэса соответственно [14].

Об истории изучения творчества Пера Лагерквиста в контексте философско-религиозной проблематики

Вторая половина XX века в Швеции характеризуется возрождением интереса к философско-религиозному роману [17]. К примеру, такую характеристику литературе данного этапа дает Д. В. Кобленкова: «В шведской философско-религиозной прозе нередко ставится масштабная задача: создать космологическую картину, которая отражала бы основные бытийные категории, сущностно важные для шведского менталитета» [5: 337]. Начало 1960-х отличается повышением значимости категории условности в нереалистическом романе. «С этого периода в Швеции преобладают философско-этические притчи, сатирические антиутопии, психоаналитические исследования внутреннего мира с элементами магического реализма», – отмечается в монографии исследовательницы [6: 15].

Более того, в контексте изучения шведской литературы 1940-60-х привлекают внимание исследования жанра «романа-антимифа», как, напротив, нехарактерного и неожиданного для литературы данного этапа, по словам исследователя, «не вписывающегося в контекст традиционного для XX века «классического» романа-мифа, исторического и философского романа и представляющим новую жанровую модификацию» [10: 3].

Пер Лагерквист, произведения которого отличаются разработкой фундаментальных философских вопросов, а также новаторством стиля и формы, стал одним из писателей, внесших ценнейший вклад в развитие модернистской, религиозно-философской литературы Швеции второй половины XX века. Пер Лагерквист, уже при жизни приобретший известность, получил возможность познакомиться с исследованиями своего творчества, среди которых, к примеру, назовем, научные труды «Вера в жизнь

Пера Лагерквиста» («Pär Lagerkvists livstro», 1961) С. Линнера и «Незнакомый Лагерквист» («Främlingen Lagerkvist», 1966) К. Хенмарка. Оба исследователя в своих монографиях изучили метафизическую составляющую творчества шведского модерниста. Так, С. Линнер акцентировал внимание на понятии «livstro» («вера в жизнь») и развитии религиозных взглядов писателя [24], а К. Хенмарк описывал, как писатель понимает категорию «Бог» и представляет себе буддистское понятие «ничто» [18].

Отдельно остановимся на результатах исследований двух выдающихся ученых, представивших разноплановые классификации творчества П. Лагерквиста, с опорой на которые были проанализированы новеллы в данной статье. Благодаря шведскому писателю и литературоведу Леннарту Брейтхольцу существует так называемая «литературоведческая» классификация, которая делит творчество Пера Лагерквиста на четыре периода: «экспрессионистский» (до 1924), «гуманистическо-идеалистический» (1925–1932), «политический» (1933–1944) и «мистическо-религиозный» (с 1945). Классификация нидерландского ученого Виктора Клаэса отличается тем, что становление каждого этапа связано с трансформацией религиозно-философских воззрений писателя и подразумевает следующие периоды: «период нигилизма и атеизма» (1912–1919), «позитивистский период» (1919–1949), а также период «религиозного атеизма» (1950–60-е годы).

Произведения Пера Лагерквиста исследователи анализируют и в контексте самого модернистского направления XX века и его «ветвей» – экспрессионизма, который присущ как изобразительному, так и словесному искусству начала XX века. Как отмечено в статье «Хронотоп и карнавал в романе Пера Лагерквиста «Варавва»» Е. Н. Корниловой: «Критики стремились предложить собственные объяснения необычным символическим и одновременно взятым из общеизвестной мифологии образам романов, видя в Лагерквисте последовательно символиста, романтика, модерниста, экзистенциалиста, христианского религиозного мыслителя, реалиста, борца с тоталитарным государством, создателя собственного философски-религиозного контекста» [9].

Бесспорно, Пер Лагерквист внес большой вклад в становление и развитие модернизма в Швеции. Так, например, значение творчества П. Лагерквиста упоминается в исследовании Инги Седерблум и Свена-Густафа Едквиста «История литературы»: «В разгар Первой мировой войны в шведскоязычную поэзию прорвался модернизм. Тогда появился экспрессионистский кукольный театр Бергмана, был опубликован поэтический сборник “Ångest” Пера Лагерквиста, а также появились первые стихи Эдит Седергран» [15: 419].

Взгляд на литературное наследие Пера Лагеквиста через призму модернизма разрабатывается и современными исследователями. Так, нельзя не упомянуть диссертацию Катрин Фабреус «Sagan, myten och modernismen i Pär Lagerkvists tidigaste prosa och “Onda sagor”» («Сказка, миф и модернизм в ранней прозе Пера Лагерквиста и его “Злых сказках”», 2002), в которой исследовательница анализирует взаимодействие сказки и мифа и выявляет особенности модернистской прозы в раннем творчестве П. Лагерквиста [16].

Среди современных исследований есть и те, что посвящены неотъемлемой, наиглавнейшей проблематике произведений П. Лагерквиста. Так, например, в монографии «Роман и Евангелие: изображения Христа в прозе Лагерквиста» (2001) Стефан Клинт поставил задачу«исследовать различные проявления образа Иисуса в прозе П. Лагерквиста (с особым вниманием к связи между художественными образами и библейскими мифами)» [19: 14]. Также была защищена диссертация К. Р. Андрейчук («Философско–религиозная проблематика “Пенталогии Распятия” Пера Лагерквиста», 2008), в которой проведено масштабное исследование философско-религиозной проблематики во многом многозначного, особенного с точки зрения мировосприятия и поэтики, творчества Пера Лагерквиста 1950–60-х годов.

Так, несмотря на то, что за последние годы было опубликовано немного исследований, посвященных творчеству П. Лагерквиста, можно с уверенностью утверждать, что литературное наследие шведского писателя всегда привлекало интерес зарубежных и отечественных ученых.

В раннем творчестве П. Лагерквиста отчетливо прослеживается характерная для модернизма склонность к переосмыслению и использованию мифов («Onda sagor», 1924). Более того, именно П. Лагерквистом был написан первый шведский манифест модернизма «Искусство слова и искусство образа» («Ordkonst och bildkonst», 1913), призывающего к использованию более простого языка, стиля, сюжетных фабул вместе с углублением смыслов и многозначностью символики.

В названии манифеста прослеживается главная его цель – П. Лагерквист стремился сблизить словесное искусство с изобразительным, придавая большее значение форме, чем содержанию и требовал создания нового языка литературы, который бы отражал его время, поскольку считал, что: «что современная литература была «декадентской» и скатилась до чисто развлекательной литературы,

идущей по стопам натурализма» (Наш перевод. — А.Б.) [15: 420].

Формированию склонности П. Лагерквиста, «первого модерниста в литературе Швеции» [12: 27] обращаться к библейским мифам, полным сложной символики и простоты одновременно, помимо детского раннего религиозного опыта и особой атмосферы в семье, поспособствовали ниттиталисты[1], с творчеством которых писатель познакомился еще в школьные годы.

Помимо этого, П. Лагерквист внимательно изучал труды Ф. Ницше, в связи с этим в ранних его произведениях (до 1924), таких, как, например, «Требовательный гость» (1910), «Улыбка вечности» («Det eviga leendet», 1920), «В мире гость» («Gäst hos verkligheten», 1924), «Злые сказки» («Onda sagor», 1924) предоставляется возможным проследить идеи великого немецкого философа о «сверхчеловеке». И. И. Московкина отмечает: «Во всех этих произведениях осмысляются “последние”, “проклятые” проблемы смысла и цели жизни человека и человечества; Бога и человека, одиночества, богооставленности и богоискательства последнего; претензии человека на богоизбранность и его страдания от преследований (проклятия) Бога; проблемы “сверхчеловека” и “недочеловека” и т. п.» [9: 78].

Одинокие герои произведений тех лет П. Лагерквиста часто вынуждены иметь дело с жестокой, холодной и бессмысленной реальностью, в которой они чувствуют совершенное одиночество. Так, например, высказывается главный герой новеллы «Требовательный гость» (1919):

«Мне нужно на кого-то опереться, обратиться к кому-то за помощью. Я должен спросить, должен выяснить, я должен попытаться узнать. Меня губит эта полнейшая неизвестность, эти бесплотные раздумья, эта невозможность доискаться смысла, смысла» [1: 67].

В 30-е годы, а также в годы Второй мировой войны П. Лагерквист активно продвигал идею гуманизма, критиковал в своих произведениях, например, в «Палаче» («Bödeln», 1933) действующий нацистский режим Германии. В 1933 году П. Лагерквист совершил первую поездку в Грецию, Александрию и Иерусалим, после чего в свет вышел сборник «Сжатый кулак» («Den knutna näven», 1934), над которым писатель работал во время своих поездок и который также пронизан идеями противостояния злу: «Здесь изображается гротескная картина современной расовой ненависти, преклонения перед утехами и насилием» [15: 422].

Следующим важным этапом «политического» периода творчества писателя стал роман «Карлик» («Dvärgen», 1944), написание которого также было мотивировано размышлениями П. Лагерквиста о трагедии и ужасах 40-х годов, а также о христианском мире, религии, морали: ««На последних этапах войны он представил своего рода подведение итогов противостояния добра и зла» [15: 422].

Творчество 1950-х и 1960-х годов отличается, с одной стороны, возвратом Пера Лагерквиста к развитию в своих произведениях ключевых философско-религиозных проблем, а с другой – совершенно иным взглядом на данный ряд вопросов. В шестом по счету дневнике П. Лагерквиста можно встретить запись: «Мистика в совершеннейшей ясности. Вот то, чего я сейчас желаю» [21: 79]. Так, Л. Брейтхольтц относит произведения, опубликованные после 1950, к «мистико-религиозным», а В. Клаэс характеризует данный этап как «религиозно-атеистический», отсылая к собственному выражению П. Лагерквиста: «Я верующий без веры, религиозный атеист»Jag är en troende utan tro, en religiös ateist» [1: 539].

Среди поздних произведений П. Лагерквиста, так называемой «Пенталогии Распятия», новелла «Варавва» («Barabbas», 1950) представляет для нас особый интерес, поскольку является «последним аргументом» в решении Нобелевского комитета о присуждении П. Лагерквисту Нобелевской премии по литературе в 1951 году.

Как было упомянуто ранее, произведения поздних лет пронизаны библейской мифологией и по-своему отражают интенции П. Лагерквиста найти ответы на «проклятые» вопросы, преследующие и «изводящие» его на протяжении всей жизни. В дневниковых записях П. Лагерквист отмечал: ««Я верующий без веры, религиозный атеист» [21: 76].

Проследим же, как именно в произведениях проявились поиски смысла жизни, попытки дать ответы на такие вопросы, как: «В чем смысл жизни человечества? И в чем смысл моей? К чему мне дано блуждать под звездами?.. Почему?». [21: 76], и начнем с раннего творчества.

Выявление и анализ религиозно-философской проблематики на материале повести «В мире гость» Пера Лагерквиста

Одна из самых известных новелл раннего периода творчества Пера Лагерквиста «В мире гость» («Gäst hos verkligheten», 1925) обладает автобиографическими чертами и повествует о детстве и юности мальчика по имени Андерс. Склонность П. Лагерквиста к самоанализу проявилась уже в раннем возрасте и И. Шейер, например, отмечала, что: ««Нет ничего удивительного в том, что такой

задумчивый и талантливый мальчик, как Пер Лагерквист, столкнулся с тревогой, страхом смерти и отчаянием, хотя вырос в доме, где царили любовь и гармония». [20: 199]. Данную особенность также подмечал С. Линнер: «Общее количество “текстов о тревоге” – художественных и нехудожественных – настолько велико, что кажется неразумным не приписывать юному П. Лагерквисту тревогу особой интенсивности, гораздо более серьезную, чем та, что “характерна” чувствительным и талантливым мальчикам». [24: 157]. Так состояние тревоги и отчаяния Пера Лагерквиста нашли воплощение в главном герое новеллы, задумчивом, отстраненном, склонном к рефлексии персонаже.

В центре повествования Андерс, маленький мальчик, растущий в глубоко религиозной семье, где царит спокойная, сердечная, но одновременно строго-богобоязненная атмосфера. Родители Андерса показаны любящими и добродетельными, но непростыми людьми, которых уважают и побаиваются дети: «такие люди часто кажутся хрупкими…, но вот эти-то люди и несут в себе удивительный запас прочности» [1: 175]. Отец, бабушка и дедушка мальчика отличаются сдержанностью и самообладанием, продиктованными протестантизмом: «Если речь заходила о чем-то радостном, то и об этом говорили серьезно и строго» [1: 190].

Дома часто стоит тишина, передающая дух пуританства, которым было пронизано детство и юность Андерса: «дома почти всегда было тихо, несмотря на тесноту» [1: 174], «такая тишина редко где бывает» [1: 174], «Дети слушали затаясь, и полнота тишины стесняла их и давила» [1: 175], «Не слышно и кленов, ни шороха, ничего. Но тише всего тут [дома у бабушки и дедушки]» [1: 195], «Мужики ушли в дом, и Андерс остался один в тишине» [1: 214].

Тишину, с одной стороны, можно трактовать как символ спокойствия и стабильности, которая вместе с ностальгическими описаниями прекрасной природы Севера являет практически идиллическую картину детства:

«Его было не видно и не слышно. Да и кто бы его увидел? Никого ни в саду, ни на дороге. Тишина и покой. Только на лугу у реки вдруг замычит корова, да прожужжит над кустами муха. И все. Ни ветерка, клены вздремнули на солнышке, даже осины затихли, а ведь они вечно дрожат» [1: 191].

С другой стороны, многочисленные упоминания тишины создают напряжение, ощущение недосказанности и дискомфорта. Внутренне состояние героя часто контрастирует с внешней средой: «Ему стало страшно и грустно, даже трудно дышать. И почему он вдруг замерз, ведь солнце печет вовсю?» [1: 178], «солнце и вправду ярко светило, трава меж булыжников блестела как новенькая, в сточной яме плавали нежные одуванчики. Все было так мирно и спокойно, как будто сегодня воскресенье. Но почему же ему грустно? И какая-то тяжесть в груди?» [1: 183].

Одним из центральных мотивов новеллы является одиночество. Несмотря на то, что главный герой растет в многодетной семье, он проводит большую часть времени один: «опять они [дети] разбежались по всему саду, горланя на солнцепеке. Но самый маленький, Андерс, не побежал за всеми» [1: 178], «ему не хотелось к ним. Он брел один, не зная, что с собою делать» [1: 178].

Стараясь справиться с чувством одиночества, ощущением собственной бренности и страхом, Андерс находит утешение в молитвах. Однако мальчик обращает молитвы не к Богу, а к камню в лесу, к которому ходит тайком. Н. Г. Шарапенкова и П. В. Якушева отмечают, что «такой поиск “собственного” Бога отражает готовность мальчика выйти за пределы рамок конфессии, какой ее видят его домочадцы, и является предзнаменованием изменения его религиозно-философских взглядов, на которые его вскоре подтолкнет смерть бабушки» [11: 28].

Со временем переход героя от протестантской веры к своей собственной принимает черты протеста:

«Ну вот, о Боге заговорили – мало, что дома, здесь тоже, везде! Да зачем? Слова и слова! Что от них, легче, что ли? Не надо ему никакого Бога. Хватит. Он и никогда-то про него не понимал. И на что ему? Вот убежать бы сейчас в лес! Отпустили бы его туда, и он пустился бы что есть духу, летел бы, гнался, только бы поспеть вовремя, и, запыхавшись, валясь с ног, примчался бы он к камню…» [1: 203].

Так же одиноко герой переживает утрату своей бабушки, сбывается его самый большой страх. Он панически боится смерти родных или своей собственной: «Кто же умрет? Кто умрет? Неужели мама? Или он сам? [1: 179], «Неужели не дышат? Умерли? Наверное, умерли! Ведь они же такие старые, в любую секунду могут умереть» [1: 196], «Но он умрет, умрет скоро. Все это знают. Ведь знают же? У него больные легкие, и скоро он умрет». [1: 217].

После смерти близкого человека Андерс оставляет попытки принять веру родных, он переживает духовный кризис, после которого «все переменилось, все стало другое» [1: 207]:

«Эта атмосфера осторожной нежности и любви была ему несносна… И набожность родителей, их тяжелая, древняя вера – как давила она его, доводила до удушья. Скорее бы вырваться отсюда! Нет,

новое учение, отметающее Бога и все упования на него, принимающее жизнь во всей ее неприкрашенной обнаженности» [1: 218].

Герой ожесточается и окончательно теряет веру: «Он ускользнул от их бога, украдкой, тайком, никто и не заметил» [1: 217], даже перестает молиться камню: «Даже и обряд стал не нужен… Ни о каком боге он не думал. Он уже не верил. И ни мысли в нем не было о том, что молитва укрепит его, придаст ему силы. Ни единой такой мысли» [1: 223].

Но несмотря на то, что Андерс склоняется к атеизму, его искания не прекращаются. В конце повести герой попадает на собрание Армии Спасения и заводит разговор с верующей девушкой про ее убеждения, он готов искать Истину дальше. Новелла завершается словами «Так кончилась первая пора юности: в разброде, смятенье, запутанности» [1: 229], что указывает на то, что главный герой так и не получает ответы на вопросы, которыми задается.

С. Белокриницкая в статье «Требовательный гость» отмечает, что этот отрывок стоит композиционно несколько особняком, «но логически этот эпизод – необходимое завершение повести: это последнее разочарование, знаменующее окончательное освобождение Андерса от посягательств религии на его душу» [4: 7].

Проследим, как религиозно-философская проблематика, а также мотивы Одиночества, Смерти, Богоискательства проявились в более позднем творчестве Пера Лагерквиста на примере новеллы «Варавва» («Barabba», 1945).

Выявление и анализ религиозно-философской проблематики на материале повести «Варавва»

Как было упомянуто ранее, в 50-е и 60-е годы Пер Лагерквист отдаляется от политической тематики, вновь обращаясь к экзистенциальной. Период «религиозного атеизма» (в классификации В. Клаэса), или же «мистическо-религиозный» (в соответствии с периодизацией Л. Брейтхольца), как можно догадаться по его названиям, связан с поисками Бога из позиции религиозного агностицизма. Поздние произведения, так называемая «Пенталогия Распятия» («Варавва», «Barabbas», 1950; «Сивилла», «Sybyllan», 1956; «Смерть Агасфера», «Ahasferus död», 1960; «Пилигрим в море», «Piligrim på havet», 1962; «Святая земля», «Det heliga landet», 1964; «Мариамна», «Mariamne», 1967), отличаются частым обращением П. Лагерквиста к библейской мифологии.

Так, сюжет новеллы «Варавва», интересующей нас и имеющей большое значение не только в рамках литературного пути Пера Лагерквиста, но и для скандинавской литературы вообще, опирается на известный сюжет Нового Завета: распятие Иисуса Христа и освобождение Вараввы, главного героя, а дальнейшее развитие сюжета определено полетом фантазии П. Лагерквиста и связано со скитаниями Вараввы в поисках веры. Варавву поражает тьма, в которую погружается Голгофа «будто погасло солнце», [2: 150] и с этого начинается его интерес к своему буквальному Спасителю. Варавва старается постичь учение о любви, общаясь с последователями Иисуса Христа, но у него не получается: «Он кое-что узнал про странные их понятия, но не мог в них разобраться» [2: 169].

Даже приняв христианство, будучи рабом в шахте и пострадав за свой выбор, когда надзиратель наказывает Варавву и его напарника христианина Саака за вознесение молитв вместо работы: «Так впервые пострадал Варавва за распятого, за бледнотелого равви с безволосой грудью, которого распяли вместо него» [2: 197], герою не становится ясен смысл религии, он легко отрекается от веры под давлением прокуратора: «у меня нет Бога» [2: 209].

Однако религиозные поиски героя продолжаются. Когда Варавва видит Рим, охваченный огнем, он думает, что случилось второе пришествие Христа и происходящее – дело рук христиан: «Распятый вернулся, тот, с Голгофы, вернулся. Чтоб спасти людей, чтоб разрушить этот мир» [2: 220]. За участие в поджоге Рима Варавва, как и его Спаситель, оказывается распят.

Мотив одиночества возникает в новелле уже на первых страницах и связан с тем, что герой – единственный, кто смог избежать смерти на кресте. Испытав огромное потрясение после внезапного спасения, Варавва то сближается с христианами, то отдаляется от них. Герой одинок на протяжении всей своей жизни: отвергнут отцом: «Елиаху тогда коварно напал на него и, видно, хотел убить» [2: 189], не принят христианами, ведь он «тот, «вместо которого распяли Учителя» [2: 163], «Варавва-отпущенник» [2: 176], которого нигде не ждут: «— Прочь отсюда, нечестивец! — закричали они на него».

Другая тема, возникающая уже на первых страницах и занимающая в произведении особое место, – тема смерти. Новелла открывается сценой распятия Иисуса Христа и заканчивается описанием распятия главного героя. В первой сцене Варавва как завороженный смотрит на Распятого, полный

смутного сочувствия и тревоги: «И поскорей бы уж конец, думал Варавва, поскорей бы уж он отмучился. Поскорей бы это кончилось!» [2: 163], после чего множество раз вспоминает о нем: «Он снова стал думать про того, на кресте. Лежал с открытыми глазами, не мог уснуть» [2: 157].

Подступающая смерть пугает Варавву:

«Смерть! Он всегда носил ее в себе, она была в нем, все время с тех пор, как он жил на свете. Она гнала его по темным ходам, темным кротовым ходам его собственного рассудка, наполняла его ужасом. …Нет, нет, только не умереть! Не умереть!..» [2: 219].

Одинокий в жизни, герой так же одиноко встречает смерть: «Их сковали цепями по двое, но Варавве не хватило пары, и он шел последним, не скованный ни с кем… распяли его на самом дальнем кресте» [2: 225]. Итог его «странствия по жизни» остается не ясен, финал романа можно толковать двояко: когда висящий на кресте Варавва почувствовал, что пришла смерть, «он сказал во тьму, словно бы к ней он обращался: – Тебе предаю я душу свою…» [2: 225]. Непонятно, обращается Варавва ко «тьме» или все же к Богу.

В невозможности познать Истину Вараввой А. В. Татаринов видит характерную черту в поэтике П. Лагерквиста и формулирует это как то, что: «Трансцендентальное – в подтексте: нет речи Бога, вроде бы нет и явной речи о Боге, но есть интуиция приближения к Абсолюту и опасения по поводу этого движения» [8: 119].

«Несуществующий Бог» в переносном, как в новелле «В мире гость», или во вполне буквальном смысле, как в «Варавве», представляет собой сюжетный центр произведений, силу, которая будоражит главных героев, вынуждает искать их то, что заведомо невозможно найти.

Заключение

Фокусные темы и мотивы новелл «В мире гость» и «Варавва» во многом пересекаются, перекликаются между собой. В автобиографическом произведении раннего этапа «В мире гость» описывается взросление мальчика, который пытается найти собственного Бога, но ему это не удается. Андерс, главный герой новеллы, разочаровывается в Боге, отрицает веру своей семьи и приходит к атеизму, но этот шаг не приносит ему должного спокойствия и духовные поиски героя продолжаются. Так и П. Лагерквист, говоря, что: «Бог – ничто для меня. Более того, он мне ненавистен... он отнимает у нас то, чего мы ищем, думая, что ищем мы его» [21: 67], тем не менее, посвящает всю свою жизнь поиску Бога и Истины.

В произведении позднего периода – «Варавва», принесшем Перу Лагерквисту, к этому моменту состоявшемуся писателю, Нобелевскую премию и повсеместную известность, развивается тема мучительного, бесплодного поиска Бога человеком, вместо которого распяли Христа. Варавва, главный герой, стремится к высшему и бунтует против несправедливости, но в то же время несет в себе зло и отрицает божественное. Когда Варавва «поручает свою душу», вися на кресте, остается открытым вопрос о том, кому именно он ее поручает.

Бесспорно, религиозно-философская проблематика является неотъемлемой чертой поэтики Пера Лагерквиста, а мотив поиска Бога и высшей Истины – один из центральных, находящий отражение как в ранних, так и в поздних сочинениях. Кроме того, проблематика произведений охватывает ряд вечно актуальных тем, таких как: «человек и общество», «Смерть», «поиск Истины» и пронизана мотивами одиночества и странничества.

Пер Лагерквист, получивший воспитание в глубоко верующей семье, отказывается от веры, но пользуется религиозными символами на протяжении всего творческого пути. При этом в стремлении писателя поэтически и философски осмыслить вечные вопросы проглядывает богоборчество. Должно быть, наилучшим образом религиозные воззрения писателя могут быть описаны его собственным выражением, вложенным в уста одного из персонажей романа «Сжатый кулак» («Den knutna näven», 1934): «Я верующий без веры, религиозный атеист» [2: 539]. С. Белокриницкая считает, что «богоборчество сближает П. Лагерквиста с такими великими русскими писателями, как Толстой и Достоевский, хотя в отличие от них Лагерквист еще в юности порывает с традиционной верой» [1: 67].

Другой характерной чертой творчества П. Лагерквиста является образ «неуловимого Бога», который не фигурирует в новеллах как действующее лицо, но оказывает влияние на героев и задает направление развитию сюжета. Как подмечено Н. Г. Шарапенковой и П.В. Якушевой: «П. Лагерквист, как и его герои богоискатели, сначала резко отдаляется от религии, не находя в ней истины, но затем, продолжая свои поиски, возвращается к ней, наделяя знакомые образы, символы и мотивы новыми значениями» [11].

Данная особенность проявляется как в отдельно взятых произведениях (в нашем случае в

материале новелл «В мире гость» и «Варавва»), так и на примере самого литературного и жизненного пути Пера Лагерквиста, религиозно-философские взгляды которого постепенно претерпевают изменения, но всегда в основе своей имеют попытку совладать с экзистенциальным страхом, познать Истину и боль от осознания того, что это невозможно. Несмотря на то, что каждый период творчества отличается определенными философско-религиозными воззрениями, разделение на периоды условно, герои произведений разных годов, как, например, Андерс (1925) и Варавва (1945), одинаково не уверены в своей и чужой вере и обречены тщетно искать ответы на неразрешимые вопросы, своего Бога.

Нитттиталисты – шведские писатели и поэты, неоромантики, творившие в 1880-е, такие, как, например, нобелевские лауреаты по литературе, Вернер фон Хейденстам и Эрик Аксель Карлфельдт, а также Оскар Левертин, Густав Фрединг. Нитттиталисты противопоставляли себя натуралистам и активно призывали к использованию в литературе символов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01401 «Поэтика Севера в творчестве русских и скандинавских писателей XX–XXI вв.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лагерквист, П. Сочинения : в 2 т. : пер. со швед. / Пер Лагерквист ; вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Мацевича ; худож. В.К. Александров. – Харьков : ФОЛИО, 1997. – 685 с., 1 л. портр. – Т. 1, Повести и рассказы. Эссе. Пьесы: 1915–1939. – (Вершины). – ISBN 966-03-0167-7.

2. Лагерквист, П. Сочинения : в 2 т. : пер. со швед. / Пер Лагерквист ; вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Мацевича ; худож. В.К. Александров. – Харьков : ФОЛИО, 1997. – 541 с., 1 л. портр. – Т. 2, Повести и романы: 1940–1967. – (Вершины). – ISBN 966-03-0168-5.

3. Андрейчук К.Р. Философско–религиозная проблематика «Пенталогии Распятия» Пера Лагерквиста : 10.01.03 – литература пародов стран зарубежья (европейская и американская литература) : Диссертация па соискание ученой степени кандидата филологических наук / Андрейчук Ксения Руслановна ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, Кафедра истории зарубежной литературы. – Москва, 2018. – 157 с.

4. Белокриницкая С. Встреча с требовательным гостем // Лагерквист П. В мире гость. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 5-10.

5. Кобленкова Д.В. Роман-парабола Торгни Линдгрена «Шмелиный мёд». К вопросу о поэтике философско-религиозной шведской прозы / Кобленкова Д.В. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. С. 337—342. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roman-parabola-torgni-lindgrena-shmelinyy-myod-k-voprosu-o-poetike-filosofsko-religioznoy-shvedskoy-prozy (дата обращения: 12.09.2024).

6. Кобленкова Д. В. Шведский нереалистический роман второй половины XX - начала XXI века: монография. М.: Издательский центр РГГУ, 2019. 459 с. (15с.)].

7. Корнилова Е.Н. Хронотоп и карнавал в романе Пера Лагерквиста «Варавва» / Корнилова Е.Н. – Текст : электронный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. С. 258—262. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-i-karnaval-v-romane-pera-lagerkvista-varavva (дата обращения: 14.09.2024).

8. Литературные формы апофатической теологии в шведской прозе (П.Ф. Лагерквист и Т. Линдгрен) // Татаринов А.В. Жанровая природа и нравственная философия художественных текстов о евангельских событиях: Монография. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 113-123.

9. Московкина И.В. Леонид Андреев и векторы развития литературы XX веке / Московкина И.В. – Текст : электронный // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. С. 76—81. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leonid-andreev-i-vektory-razvitiya-literatury-xx-veke (дата обращения: 14.09.2024).

10. Полушкин А. С. Жанр романа-антимифа в шведской литературе 1940-1960-х гг. (на материале произведений П. Лагерквиста и Э. Юнсона) : 10.01.03 – литература пародов стран зарубежья (шведская литература) : автореферат диссертации па соискание ученой степени кандидата филологических наук / Полушкин Александр Сергеевич ; Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Челябинск, 2008. - 255 с.

11. Шарапенкова Н. Г., Якушева П. В. Богоискательство в прозе П. Лагерквиста – Текст : электронный // Studia Humanitatis Borealis. 2020. № 4. С. 26–33. – URL: https://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=3664 (дата обращения: 12.09.2024). DOI 10.15393/j12.art.2020.3664

12. Шарапенкова Н. Г., Якушева П. В. Творчество Л. Андреева И П. Лагерквиста в контексте экспрессионизма: к постановке проблемы – Текст : электронный // Studia Humanitatis Borealis. 2021. № 4. С. 25–31. – URL: https://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=3785 (дата обращения: 12.09.2024). DOI 10.15393/j12.art.2021.3785

13. Breitholtz L. Epoker och diktare I–II: allmän och svensk litteraturhistoria. Stockholm, 1972. 760 s.

14. Claes V. Pär Lagerkvists "Barabbas" som roman / Viktor Claes. – Växjö: Lagerkvist-samfundets skriftserie, 1993. 12 s.

15. Edqvist, Sven-Gustaf. Pär Lagerkvist (1891-1974) / Sven-Gustaf Edqvist, Inga Söderblom // Litterarturhistoria / Sven-Gustaf Edqvist, Inga Söderblom. – Stockholm : Bibliotekförläget, 1998. – s. 419–426. – ISBN 91–21–16741–9

16. Fabreus K. Sagan, myten och modernismen i Pär Lagerkvists tidigaste prosa och «Onda sagor». Stck., 2002. 205 s.

17. Hägg, G. Den svenska litteraturhistorien / Göran Hägg. – Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1996. – 692 s. : ill. – ISBN 91–46–17636–5

18. Kai H., Främlingen Lagerkvist. / Henmark K. – Текст : электронный // University of California.: Rabén & Sjögren, 1966. 169 s. — URL: https://www.google.ru/books/edition/Fr%C3%A4mlingen_Lagerkvist/ymEOAQAAIAAJ?hl=sv&gbpv=0&bsq=%22Fr%C3%A4mlingen%22%20Lagerkvist (дата обращения: 12.09.2024).

19. Klint S. Romanen och Evangeliet: former for Jesusgestalten i P. Lagerkvists prosa. Skelleftea: Norma, 2001. 271 s

20. Schöier I. Par Lagerkvist : en biografi. Stck.: Bonnier, 1987. S. 450.

21. Lagerkvist, P. Antecknat : ur efterlämnade dagböcker och anteckningar / Pär Lagerkvist ; urval och redigering av Elin Lagerkvist. – Stockholm : Albert Bonniers Förlag, 1977. – 206 s. – ISBN 91-0-041908-7

22. Nobelpristagare i litteratur. — Текст : электронный // Svenska Akademien : [сайт]. — URL: https://www.svenskaakademien.se/nobelpriset/nobelpristagare-i-litteratur (дата обращения: 02.09.2024).

23. Pär Lagerkvist-samfundet. — Текст : электронный // Lagerkvistsamfundet.se : [сайт]. — URL: https://lagerkvistsamfundet.se/lagerkvistforskning/ (дата обращения: 12.09.24).

24. Sven L., Pär Lagerkvists livstro. / Linnér S. – Текст : электронный // University of Michigan. Stck.: Bonnier, 1961. 317 s. — URL: https://www.google.ru/books/edition/P%C3%A4r_Lagerkvists_livstro/NapJAAAAMAAJ?hl=sv&gbpv=0&bsq=P%C3%A4r%20Lagerkvists%20livstro&kptab=overview (дата обращения: 14.09.2024).

References

1. Lagerkvist, P. Works Works Vol. 1, Stories and novels: 1915–1939. Kharkov : FOLIO, 1997. 685 p. - ISBN 966-03-0167-7. (In Russ.)

2. Lagerkvist, P. Works Vol. 2, Stories and novels: 1940-1967. Kharkov : FOLIO, 1997. 541 p. - ISBN 966-03-0168-5. (In Russ.)

3. Andreychuk K. Philosophical and Religious Problematics of ‘The Pentalogy of the Crucifixion’ by Per Lagerkvist. Moscow, 2018. 157 p. (In Russ.)

4. Belokrinitskaya S. Meeting with a demanding guest. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1972. P. 5-10. (In Russ.)

5. Koblenkova D. Torgny Lindgren's novel-parabola ‘Bumblebee Honey’. To the question of the poetics of philosophical-religious Swedish prose. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/roman-parabola-torgni-lindgrena-shmelinyy-myod-k-voprosu-o-poetike-filosofsko-religioznoy-shvedskoy-prozy (accessed: 12.09.2024) (In Russ.)

6. Koblenkova D. Swedish non-realist novel of the second half of the twentieth - early twenty-first century. Moscow: Publishing Centre of the Russian State University of Humanities and Sciences, 2019. 459 p. (In Russ.)

7. Kornilova, E.N. Chronotope and carnival in Per Lagerkvist's novel ‘Baravva’. Izvestia Samara Scientific

Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medico-biological sciences. 2021. C. 258-262. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-i-karnaval-v-romane-pera-lagerkvista-varavva (accessed: 14.09.2024). (In Russ.)

8. Literary Forms of Apophatic Theology in Swedish Prose (P.F. Lagerkvist and T. Lindgren). Krasnodar: KubSU, 2004. P. 113-123. (In Russ.)

9. Moskovkina, I.V. Leonid Andreev and vectors of development of literature of the XX century. Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2017. P. 76-81. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/leonid-andreev-i-vektory-razvitiya-literatury-xx-veke (accessed: 14.09.2024). (In Russ.)

10. Polushkin A. Genre of the novel-antimyth in the Swedish literature of the 1940-1960s (on the material of works by P. Lagerkvist and E. Yunson). Chelyabinsk, 2008. 255 p. (In Russ.)

11. Sharapenkova N., Yakusheva P. God-seeking in the prose of P. Lagerkvist. Studia Humanitatis Borealis. 2020. No 4. C. 26-33. Available at: https://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=3664 (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)

12. Sharapenkova N., Yakusheva P. Creativity of L. Andreev and P. Lagerkvist in the context of expressionism: to the statement of the problem. Studia Humanitatis Borealis. 2021. No 4. C. 25-31. Available at: https://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=3785 (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)

13. Breitholtz L. Epoker och diktare I-II: allmän och svensk litteraturhistoria. Stockholm, 1972. 760 s.

14. Claes V. Pär Lagerkvists ‘Barabbas’ som roman. Växjö: Lagerkvist-samfundets skriftserie, 1993. 12 s.

15. Edqvist, Sven-Gustaf. Pär Lagerkvist (1891-1974). Litterarturhistoria Sven-Gustaf Edqvist, Inga Söderblom. Stockholm : Bibliotekförläget, 1998. s. 419-426. ISBN 91-21-16741-9

16. Fabreus K. Sagan, myten och modernismen i Pär Lagerkvists tidigaste prosa och ‘Onda sagor’. Stck., 2002. 205 s.

17. Hägg, G. Den svenska litteraturhistorien. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1996. - 692 s. ISBN 91-46-17636-5

18. Kai H., Främlingen Lagerkvist. University of California. : Rabén & Sjögren, 1966. 169 s.

19. Klint S. Romanen och Evangeliet: former for Jesusgestalten i P. Lagerkvists prosa. Skelleftea: Norma, 2001. 271 s.

20. Schöier I. Par Lagerkvist : a biography. Stck.: Bonnier, 1987. S. 450.

21. Lagerkvist, P. Antecknat : ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Stockholm : Albert Bonniers Förlag, 1977. 206 p. - ISBN 91-0-041908-7

22. Nobel Laureates in Literature. Available at: https://www.svenskaakademien.se/nobelpriset/nobelpristagare-i-litteratur (accessed: 02.09.2024).

23. Pär Lagerkvist Society. Available at: https://lagerkvistsamfundet.se/lagerkvistforskning/ (accessed: 12.09.24).

24. Sven L., Pär Lagerkvist's faith in life. University of Michigan. Stck.: Bonnier, 1961. 317 p.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL PROBLEMATICS OF PÄR LAGERKVIST (A STUDY OF THE NOVELS GUEST OF REALITY AND BARABBAS)

SHARAPENKOVA Natalia

PhD in Philology,
Head of the German Philology and Scandinavian Studies Department,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,,
Petrozavodsk, Russian Federation, natshar@mail.ru

BEZMEN Alina

student of the Department of Germanic Philology and Scandinavia,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,,
Petrozavodsk, Russian Federation,
bezmenau@gmail.com

Keywords:
Scandinavian literature
modernism
Guest of Reality
Barabbas
religious and philosophical problematics
Pär Lagerkvist

Summary:
This article examines Pär Lagerkvist’s religious and philosophical themes through his novels Guest of Reality" (Gäst hos verkligheten, 1925) and Barabbas (1950). These works represent key stages in the author’s literary journey, addressing questions that emerged at the outset of his creative career during the “positivist” period (1919-1949) and the “humanist-idealist” phase (1925-1932), as well as the answers Lagerkvist provides to himself and his readers, drawing on his life and writing experiences, during his “religious atheism” phase (1950-1960s) and the “mystical-religious” period (from 1945), as classified by L. Breitholtz and V. Klaes, respectively.